

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 23, Is. 1, pp. 135–145, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-135-145
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 2(571.4)

The Personalities of the Tory Steppe

Natalia Zhukovskaya¹

¹ Ph. D. of History, Professor, Head of the Center of Asian and Pacific Studies, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the people, who in early 1990-s rendered an invaluable help, not only with their knowledge as informants but also with their human emotional attitude to the members of an academic expedition who came from Moscow to study their village Tory (Tunka district of the Republic of Buriatia). That study was a part of an interdisciplinary and an international joint project under the title “A Portrait of an Oriental Village”.

Five villages in different regions of the Russian Federation (Dagestan, Buryatia, Bashkortostan Republic), as well as of the former USSR, the Crimea (then part of Ukraine) and Kyrgyzstan were selected for the expedition. The author of the article became a member of the Buryat part of the project, led by the head of the department of general problems of the Institute of Oriental Studies of the RAS — S. Panarin. A group of scientists was selected for the expedition in Tory village which lasted four years (1992–1995).

However, the article is devoted not to the results of the work but to the people who rendered an invaluable help to the expedition participants. Four of the selected from a large number of the volunteered assistants belonged to different strata of the rural society. Among them there were a fortune-teller, a shaman, a nurse and a director of a boarding school. Each of them intrigued the author at that time, first of all, as a distinct personality with his/her peculiar inner world, each one was instrumental for understanding the processes occurring in the Buriat village in the post-perestroika time. Three of them have already died without any official obituaries written for them. So, the article is devoted to their memory.

Keywords: village of Tory, Buriat Republic, fortune-teller, shaman, director of the boarding school, nurse, academic expedition.

Торская степь — часть степного пояса Евразии, небольшая по размерам, но с точки зрения истории, включая археологию и этнографию, весьма интересная. В административном отношении она входит в состав Тункинского района Республики Бурятия, территория которого в 1991 г. стала национальным парком федерального значения с одноименным названием «Тункинский».

В начале 90-х гг. XX в., когда уже улеглась эйфория от первых лет перестройки и нахлынувших свобод, когда распался Советский Союз и на смену старым проблемам пришли новые, оказавшиеся не менее болезненными, чем старые, растерявшийся поначалу ученый мир вдруг осознал, что надо все это в скором порядке изучать, так как жизнь менялась на глазах и то новое, что только вчера возникло, сегодня теряло смысл и уходило в прошлое, не успев окрепнуть и пустить корни. Это вызвало к жизни ряд научных проектов, которые выполнялись силами ученых разного профиля, работавших в разных институтах и даже в разных городах. Одним из них стал проект «Портрет восточного села», родившийся в научной среде Института востоковедения РАН. Были намечены пять сел в разных регионах не только Российской Федерации (в Дагестане, Бурятии, Башкортостане), но и бывшего СССР — Крыму (тогда еще входившем в состав Украины) и Кыргызстане. Я стала участницей бурятской части проекта, которую возглавил С. А. Панарин, заведующий отделом общих проблем ИВ РАН. Для исследования было выбрано село Торы Тункинского района Республики Бурятия и создана группа ученых, которая в течение четырех лет, с 1992 по 1995 гг., проводила в Торах экспедиционные исследования. Группа состояла из следующих лиц: постоянный состав — С. А. Панарин, А. Р. Вяткин, А. Н. Мещеряков, С. П. Кирюхина (Институт востоковедения РАН, Москва), Н. Л. Жуковская, Е. А. Строганова (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) и периодически присоединявшихся для выполнения разовых заданий сотрудников Бурятского государственного университета и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ).

Предполагалось, что портрет села будет включать исторический, экономический, демографический, социологический, этнографический очерки. В мою задачу входило создать этнографическую часть «портрета»,

включая религиозную панораму жизни Тор, которая мне казалась наиболее интересной частью исследования. К сожалению, итоговой работы по результатам проделанного исследования коллективу авторов создать не удалось, были опубликованы лишь отдельные статьи, но их много, примерно 25 [вот некоторые из них: Панарин 1994; 1999; 2012; Мещеряков 1996; Строганова 1997; 2001; Жуковская 1995; 1996; 2008]. Однако в данной статье отнюдь не об общих итогах работы пойдет речь, а о том, что осталось за их пределами, а именно о людях, с которыми я познакомилась в этом селе в процессе работы, о тех, кто, с одной стороны, помогал мне, а, с другой — стал объектом моего исследования и сам.

Помощь этих людей была разной, но всегда важной. Одни рассказывали о том, что меня интересовало, показывали, что можно и нужно делать в тех или иных ситуациях, подсказывали имена полезных для меня информантов. Другие помогали добраться в нужную точку, в том числе и на своем личном транспорте, если он у них имелся. Третьи брали на себя уточнение тех или иных вопросов у жителей села, если к концу полевого сезона я понимала, что пора уезжать, а я не успела узнать что-то еще весьма важное; в таких ситуациях я оставляла им свои вопросы, на которые они в письмах ко мне в Москву давали ответы. И что еще очень важно — все они меня подкармливали, и не только меня, но и всю нашу экспедицию продукцией своего личного хозяйства: картошкой, луком, салатом с огорода, молоком, сметаной, творогом от своей коровы, грибами, вареньем и киселями из ягод, если уже наступал сезон их сбора. Те, кому приходилось в 1990-е гг. ездить в экспедиции по российской глубинке, помнят продовольственные сложности этих лет и могут оценить важность такой помощи.

Люди, о которых пойдет речь, представляют разные социальные категории торского общества — гадалка, шаман, директор школы-интерната, медсестра. Их объединяет одно: все они жили в Торах тогда, когда работала наша экспедиция. А я приезжала туда еще много лет спустя после окончания ее работы. Увы! Большинство из этих людей уже ушли в мир иной. Но писать о них я буду как о живых, какими они остались в моей памяти тех лет и начну свой рассказ с гадалки.

Фалилеева Евдокия Семеновна (в дальнейшем просто Дуся) (1938–2012)

Торская молва прочно закрепила за ней титул гадалки. Впрочем, что тут такого особенного? Подобная профессия, а скорее — призвание, всегда была востребована в любом обществе.

Дусю я знала с 1967 г. Тогда она жила в с. Далахай, в трех километрах от Тор. Летом того года я с мужем приехала в Бурятию в отпуск и мы оказались на несколько дней в Далахае в семье Ангаевых, с которыми я была знакома со времен первого приезда в Бурятию в 1959 г. Дуся была их соседкой, а соседи в Бурятии — это все равно что родственники. Так мы и познакомилась.

Следующий раз я увидела ее 25 лет спустя, в том самом 1992 г., когда наша экспедиция впервые приехала в Торы. Оказалось, что Дуся уже много лет, как перебралась сюда из Далахая, работает поварихой в школе-интернате, но самое главное, что я узнала случайно и вовсе не от нее, — она гадалка и местные жители частенько прибегают к ее услугам по этой части.

К людям, способным общаться с виртуальным миром и получать «оттуда» необходимую информацию, я относилась с интересом всегда. Нечего и говорить, что я взяла Дусю в «разработку». Более того, она стала моим постоянным информантом о жизни села и его жителей — не о той жизни, о которой рапортуют бравые журналисты локального масштаба (получено столько-то надоев молока, заготовлено столько-то тонн сена), а о том срезе жизни, который более всего смахивает на мифологию, правда, на мифологию с деталями современного быта, но все же на мифологию, действующими персонажами которой являются лица живые и уже умершие, духи предков и духи гор, боги буддийские и христианские, где все вперемешку, где никто ничему не удивляется, где гадалка, не слушающая радио, не читающая газет и не покидающая пределов своего села, глядя на бутылку водки, может предсказать падение нефтяного гиганта международного масштаба ЮКОСа за полтора года до того, как оно началось.

Биография Дуси несложная. Родилась в 1938 г. в Читинской области. Родители умерли рано. Росла в детдоме. Когда старшая сестра вышла замуж, забрала Дусю из детдома в свою новую семью, в с. Гужиры Тункинского района Бурятии. Там Дуся окончила семилетку. Учиться дальше не

было возможности. Вскоре вышла замуж за парня, уходившего в армию, родила дочь. Однако парень, отслужив в армии, к жене и дочери не вернулся. Так закончился первый брак.

Вторым мужем был Петя Бильдаков, полубурят-полурусский, красавец, певец, танцор, душа нараспашку. Работал шофером в колхозе. Пил, однако, неумеренно. Нажил на этой почве какую-то болезнь и довольно рано умер. Они с Дусей произвели на свет пятерых детей — блондинов, brunetов, голубоглазых, темноглазых — разнообразная смесь светленькой русской Дуси и полубурята Пети.

Третий муж, Иннокентий Бобков, был человеком серьезным, работал в школе сначала завхозом, а потом «отопителем» (заготавливал дрова, топил в классах печи и т. д.). Тоже любил выпить — эх, беда наша российская! Умер несколько лет назад, оставив в память о себе дочь Аню.

Дуся живет в Торах недалеко, метрах в ста, от Тункинского тракта, главной районной и одновременно федеральной трассы. Дом маленький — 30 квадратных метров, участок при доме — 30 соток, вместе с покосом 41 сотка. Есть корова, свиньи, куры, собака, кошка. Все дети, кроме младшей дочери Ани, живут своими семьями, своим хозяйством. Постоянной работы большинство из них не имеет, лишь от случая к случаю, единственный источник существования — собственное хозяйство. Да и тут надо не терять бдительности. В голодные 1990-е гг., когда воровали все у всех, недоглядела Дуся и увели прямо с пастбища возле дома корову. Кто-то видел, как ее погрузили в машину и увезли в сторону Байкала. Другой раз уже откормленную за лето свинью, мясом которой семья собиралась кормиться всю зиму, увели ночью прямо из стойки, та даже не хрюкнула. Это было Дусе особенно обидно, говорит, если б хрюкнула, я бы проснулась и отбила. А я думаю, хорошо, что не проснулась: в те годы и за меньшее можно было лишиться жизни. Про кур и говорить нечего, за ними не углядишь. Поэтому дома всегда кто-то есть и следит за порядком.

Летом 2007 г. я увидела на лавочке перед домом беленькую голубоглазую девочку примерно двух лет. Она присматривала за курами и котом, у которого в глазах светился охотничий азарт. «Дусина порода», — подумала я и не ошиблась. Оказалось, что это дочка Ани, маленькое живое существо,

оживившее своим появлением дом. Я не успела спросить, где отец девочки. Дуся опередила мой вопрос своим ответом: «Да ну их, мужиков, от них одни только неприятности. А у нас вот теперь есть Дашенька».

Дуся — мать семерых детей, бабушка более 30 внуков (боюсь назвать точную цифру — их количество каждый год увеличивается), а в 2008 г. я узнала, что у нее уже 11 правнуков. У детей тоже сложная жизнь, живут, как получается. Но все живы-здоровы, и ни один ребенок в этой семье не «пропал».

Летом 1991 г. Дусе предстояло лечь на операцию по удалению опухоли на шее. Не было уверенности, что операцию стоит делать, но погадать самой себе она не могла — такое часто бывает у гадалок. Она поехала в Улан-Удэ, где ей предстояло лечь в больницу, и решила зайти в Иволгинский дацан посоветоваться с ламами. Приехала туда рано, в 5 часов утра. Видит: молодые ламы в трусах делают во дворе зарядку. Она вынула деньги, бутылку водки, попросила, чтобы ее благословили и сказали, делать ли ей операцию. Самый старший из молодых лам надел свое ламское облачение, от водки отказался, сказал, что скоро утренняя служба, нельзя. Она рассказала о себе: живу, мол, в Тунке, всю жизнь работаю, мать семерых детей и 23 (в тот момент) внуков. Молодой лама удивился, спросил, как ей удалось их всех сохранить. Сказал, что у него было три жены и несколько детей, все дети умирали, не прожив нескольких месяцев. Жены тоже от него ушли. Сказал также, что не он Дусю, а Дуся его должна благословить и поделиться секретом, как сохранить детей. «Нет у меня секрета, растила их, как все — и только», — ответила Дуся. Из дацана она ушла, так и не получив благословения. Операцию делать не стала, вернулась домой, пила настои местных трав, и все обошлось.

Между прочим, у Дуси есть знаменитый на всю Москву, Россию и за ее пределами родственник. Это Сергей Зверев — куафер и стилист, состоятельный товарищ, живет на Рублевке (москвичам не надо объяснять, что это за место и какова стоимость проживания в этом районе Подмосковья). Это сын ее родной сестры. Однако богатая родня с нищими родственниками из Тор не знается. Была попытка установить контакт со стороны последних — в Москву ездила, чтобы познакомиться с двоюродным братом и, может быть, с его помощью найти какую-то

работу, младшая дочь Дуси Аня. Однако попытка оказалась неудачной. Аня вернулась назад в Торы и подобно матери пополнила число сельских безработных.

Дуся уже давно не работает ни в колхозе, ни в школе, ни где бы то ни было еще, хотя может и хочет. Ни в одном из мест, где платят зарплату, свободных вакансий в селе нет. Живет на пенсию, размер которой позволяет зачислить ее в категорию «живущих за чертой бедности». Талант гадалки ей тоже дохода не приносит. Доходом является бутылка водки, которую заказчик приносит с собой вместе с просьбой узнать для него что-либо (сына забрали в армию — почему он не пишет писем; скот потерялся — где его надо искать; со здоровьем не все в порядке — надо ли ложиться на операцию; сын хочет ехать в Москву поступать в институт — стоит ли ему это делать). С такими или похожими просьбами обращаются к гадалкам / предсказателям люди в разных концах земного шара. И Дуся начинает гадать [ПМА 1993].

Ее рабочие «инструменты» — бутылка водки (сначала закрытая, потом открытая), небольшой стакан, куда наливается водка, ветка можжевельника, которую она поджигает и дымом которой окуривает бутылку и стакан, разглядывая узор, образуемый кольцами дыма. Гадает она и «на луну» (по фазам луны), обращается с просьбой о помощи к Буха-нойону — главному персонажу местного шаманского пантеона. Денег с клиентов никаких не просит; в Торах вообще народ не денежный, взять с него особо нечего, но если что-то (в том числе съестное) дадут, то возьмет. Дуся русская, но выросла в бурятской среде и живет в селе, где основное население — буряты. Поэтому она гадает по-бурятски, ее действия похожи на то, что делают в аналогичной ситуации бурятские шаманы. Для нее, как и для них, водка — это дисплей виртуального мира, на который проецируются ответы на заданные ими вопросы. Есть лишь одно отличие — в сторонке на столе стоит икона Божьей Матери. Дуся считает, что именно от нее получила она свой дар и именно она помогает ей при гадании. И вообще считает себя православной.

Вот пример из ее гадательной практики. Как-то пропала ее невестка, жена сына Леонида, бурятка. Сын и невестка жили в другом селе, поэтому Дуся об этом ничего не знала. На второй день невестку стали ис-

кать, на третий день обратились к шаману и ламе. И шаман, и лама сказали, что невестка утонула, и посоветовали искать тело в кустах и затонах вдоль протоки Иркута. Искали ее более 20 человек, два дня прочесывали эти места, одни на лошадях, другие исследовали ямы вдоль берега. На пятый день об этом узнала Дуся. Поглядела на водку, на луну, помолилась Буха-нойону и сказала: жива она, запой у нее, пьет с кем-то уже несколько дней и боится вернуться домой. Так и оказалось. Невестку обнаружили у ее сестры, в районном центре Кырене, куда она приехала, как поначалу планировала, на пару часов, чтобы прояснить какие-то дела. По случаю встречи сестры основательно выпили, домой в тот вечер невестка решила не возвращаться, как-то забыв, что дома новорожденный ребенок, недоенная корова, некормленая птица. Утром опохмелилась, и все пошло по новой. К вечеру стало ясно, что и сегодня возвращаться не стоит. Третий и четвертый дни она уже пила от страха перед мужем, понимая, что он это ей не спустит. Так и получилось. На шестой день он явился за ней, оттащил за волосы и вернул домой [ПМА 2002].

Одно из Дусиных гаданий имело всероссийский и даже мировой резонанс, хотя мир и не подозревал о факте подобного гадания, и свидетелем его была только я. Это было в июле 2002 г. и связано было с проектом строительства нефтепровода по трассе Ангарск — Дацин (город на северо-востоке китайской провинции Хэйлунцзян), который пробивала в обход всех законов Российской Федерации компания ЮКОС и который должен был нанести существенный урон Торам. Казалось, ничто напору ЮКОСа не могло противостоять.

В тот момент я была членом группы экспертов-экологов, пытавшихся разъяснить местному населению его права по защите собственных имущественных интересов. Народ нашу деятельность воспринимал пассивно, никто не верил, что можно где-то чего-то добиться, все знали, что все уже предпринято.

Я пришла к Дусе после собрания ее односельчан, которое произвело на меня тягостное впечатление. Прихватив традиционную бутылку водки, я попросила ее погадать «на трубу», т. е. узнать, когда нефтепровод начнут строить и, соответственно, когда начнет гибнуть ее родная Торская степь. Повертев бутылку водки в руках, тщательно встрях-

нув и окурив дымом можжевельника, Дуся долго ее разглядывала и наконец сказала: «Никакой трубы не будет». Я в тот момент лишь горько усмехнулась — слишком невероятным мне показался подобный прогноз. Через год и три месяца был арестован глава ЮКОСа М. Ходорковский, а еще через пару-тройку лет компания перестала существовать. С тех пор Дусиным прогнозам я верила безоговорочно. Мне уже приходилось писать об этом удивительном случае [Жуковская 2008: 77–78].

Последний раз я видела Дусю в 2009 г. Слава ее как гадалки росла. С просьбой погадать о том о сем к ней приезжали люди из разных районов Бурятии и Иркутской области. Денег в доме по-прежнему не было. Вместе с дочерью Аней она отремонтировала свой небольшой и от старости весьма скособоченный дом. Подросла внучка Даша. Она почти ничего не говорила, что меня очень удивляло, но уже вместе с бабушкой, когда та начинала гадать, разжигала можжевельник и неумело крестилась на икону Божьей Матери. Весной 2012 г. я узнала, что Дуся сгорела в собственном доме во время пожара, причина которого не была установлена. Дочь Аня и внучка Даша были в это время в гостях у родственников в соседнем селе.

Холбоев Сынара Долгорович (1917–1996), шаман.

Свой шаманский дар он получил от дяди по матери. Мать его умерла во время родов, отца своего он не знал, родителей ему заменила родная сестра матери, вырастившая и воспитавшая его. Много лет работал учетчиком и заведующим производством в колхозе. Был участником Отечественной войны, после ранения демобилизован. Шаманить начал в 1953 г. Принадлежал к категории сильных шаманов, обладающих умением «держат барана», говорил, что шесть поколений его предков по материнской линии умели это делать. Жители Тор уважали его за высокий профессионализм, а также за доброту, готовность идти навстречу, если человеку нужно совершить обряд, а у него нет денег, чтобы за него заплатить. Твердой таксы за обряд не назначал: брал, сколько давали. Был женат, имел в браке семерых детей. Один из них заведовал торской больницей, пока ее не закрыли, другой был директором Дома культуры, пока тот не сгорел. Сельская мифология приписыв-

вает С. Холбоеву много внебрачных детей, о которых он трогательно заботился и по возможности материально поддерживал. И это отнюдь не было следствием его личного распутства. Так получилось, что многие мужчины из села Торы в 1941–1945 гг. ушли на фронт и с войны не вернулись. В селе осталось много одиноких женщин, желавших иметь детей, и почти не осталось мужчин. В С. Холбоеве еще до того, как он стал шаманом, чувствовалась большая внутренняя сила и добротная мужская надежность. Ничего удивительного, что торские женщины выбирали именно его в качестве отца своих будущих детей. Жители многих сел Тункинской долины почтительно называли его «дедушка» и приезжали к нему с просьбой провести тот или иной обряд, и он никому не отказывал. Последние годы он совершал их по два-три в день, и каждый занимал от двух до трех часов [Жуковская 1995: 80–84]. После смерти его тело сожгли, выполнив его предсмертную волю, высказанную за пару дней до кончины, когда он уже знал, что умирает. Для Тункинской долины такая форма погребения шаманов типична.

У меня с С. Холбоевым сложились особые отношения. Поначалу никак не удавалось застать его дома. Если я приходила днем, оказывалось, что его с утра увезли в другой район на совершение какого-либо обряда, и меня просили прийти вечером. А когда я приходила вечером, то оказывалось, что уставший после длительного обряда и долгой дороги из другого района хозяин уже спит, и меня просили явиться утром. А с утра все повторялось сызнова. Но однажды, когда я шла по дороге к очередному информанту, меня догнала грузовая машина и сидевший в ней человек крикнул мне, чтобы я быстрее залезла в кузов, так как «дедушка» ждет меня и приглашает поехать с ним на обряд, который он сегодня будет делать. Это был первый, но далеко не единственный обряд, совершенный «дедушкой» Холбоевым, на котором я по его приглашению побывала. Такое приглашение было не просто формальностью, оно обладало определенной защитной функцией, так как это, как правило, были обряды, на которых присутствовать женщинам традиция не позволяла. Однако личное приглашение шамана снимало этот запрет, и я могла чувствовать себя спокойно.

Наблюдать за ним во время исполнения его профессиональных обязанностей было не просто интересно, это было погружение в тот слой национальной бурятской культуры, который скрыт от поверхностного, даже внимательного наблюдения. Поэтому его добровольное желание пояснять совершаемые им действия было особенно ценным. Так, например: теоретически понятно, что шаман, который имеет право «держать барана», сильнее того, который может только «брызгать» (водкой, молоком, чаем с молоком — это зависит от духа, божества, персонажа — адресата обряда). Первый имеет большее количество посвящений, чем второй, и большее количество предков, имевших шаманский дар. У С. Холбоева все это было. Шаман, не имеющий права «держать барана», если вдруг вздумает это делать, может погибнуть, а обряд своей цели не достигнет. Но что такое «держать барана»? Как это выглядит на практике? Это действие «дедушка» Холбоев дал мне возможность увидеть несколько раз. И первый раз это было именно в тот день, когда, прихватив прямо на улице, меня повезли в окрестности Тор, где он проводил обряд.

Заказчиками обряда была семья учителей Саргаевых. Причина, по которой требовалось совершить обряд, состояла в следующем. За предшествующий месяц на семью обрушились одно за другим плохие предзнаменования: бились в оконные стекла воробы, прилетела из леса во двор дома кукушка и кукует, сын голову поранил, хозяин ногу разодрал, бабушка сон плохой видела. Каждое из этих событий, взятое по отдельности, — вроде бы ничего особенного, а вот все вместе они — предвестники несчастья, и его надо от себя отвести. Пригласили «дедушку» Холбоева, купили или принесли из дому все, что полагается: одного барана, четыре бутылки водки, молочные продукты, конфеты, печенье, зерно — все то, что любят духи.

Назначили день и место. День выдался ветреный и дождливый. Выбранное место — поросшая густым лесом гора Сокто-хада. Участников, не считая меня, было девять человек — все мужчины и юноши, члены семьи заказчика обряда и ближайшие родственники. Я человек посторонний, к тому же женщина, но в данном случае — личный гость шамана.

Обряд адресован другому «дедушке» — местному шаману Самбуеву, умершему

в 1960-е гг., дух которого обитает на этой горе. Саргаевы пасут неподалеку свой скот, но как-то забыли про дедушку Самбуева и давно не оказывали ему внимания. Дедушка сердится на них, посылая напоминания в виде дурных примет. Надо задобрить дух дедушки, и все образуется — так объяснил ситуацию С. Холбоев.

Зарезали барана, да не абы как, а по ритуально точным правилам центральноазиатского искусства разделки бараньих туш. Каждую отрезанную деталь туши подносили шаману, и он, держа ее в левой руке, правой одним взмахом ножа отрезал от нее солидный кусок мяса и кидал в два котла с кипящей водой. Вот это и есть умение «держать барана». Мясо первого котла должны были съесть участники обряда. Мясо второго котла считалось жертвой духу покойного Самбуева, его выложили на специально сооруженный костер в виде туши лежащего барана с полным набором костей и головой, обложили дровами и сожгли. Если сгорит все, значит «дедушка» Самбуев жертву принял. И хотя лил проливной дождь, долго не дававший костру разгореться, мясо сгорело полностью, стало быть, жертва принята.

Обряд длился около трех часов. Он завершился, когда догорел жертвенный костер. К этому времени была выпита вся водка, но несъеденного мяса было еще много. Загрузили все остатки в машину, поехали назад в село, развозя участников по домам. Все мужчины были пьяны, и только шаман трезв, хотя пить ему пришлось больше всех. Это понятно: ведь пьет не он, а через него те духи, которых он пригласил на обрядовую трапезу. В данном случае это был дух «дедушки» Самбуева.

Меня в тот день Холбоев тоже подвез к дому, где я в то лето жила, поцеловал на прощание руку и рассказал какой-то забавный анекдот. Вот тебе и шаман! Впрочем, я всегда утверждала, что шаманы — такие же люди, как и все, только профессия у них особая.

Фомкина Роза Александровна
(1947–2008).

Именно благодаря ей наша экспедиция получила возможность работать в Торах. Она была в течение десяти лет директором Торской школы-интерната и согласилась оказать нам помощь в организации исследований. Вообще-то я знала Розу с 1959 г. В тот год, будучи студенткой кафедры этно-

графии Московского университета, я пришла в Тункинский район Бурятии собирать материал для своей дипломной работы и достаточно случайно (таких случайностей в экспедициях бывает много) попала на ночлег в ее семью. Розе тогда было 13 лет, она с интересом отнеслась к моему студенческому исследованию и, несмотря на свой детский возраст, даже сумела мне кое в чем помочь. Завязалось знакомство, продлившееся до конца ее жизни. По окончании школы она поступила в Бурятский педагогический институт в Улан-Удэ, получила специальность преподавателя русского языка и литературы, вернулась к себе на родину и по районным масштабам сделала внушительную карьеру от учителя начальных классов до директора Аршанского гуманитарно-экологического лицея. На этой должности она и умерла. Но в 1992 г., когда она еще была жива и работала в Торах, я обратилась к ней с просьбой помочь нашей экспедиции снять у местных жителей на 1,5 месяца жилье, договориться с правлением колхоза, чтобы нам продавали мясо и хлеб. Овощи, молочные продукты, грибы и ягоды, которые имелись в изобилии в местных лесах, мы покупали, а иногда получали в дар, в частных хозяйствах, но мясо и хлеб в начале 1990-х гг. были проблемой. И Роза сделала все, чтобы обеспечить нам максимально возможный в экспедиционных условиях комфорт. Кроме того, она предложила в помощь трех наиболее толковых, по ее мнению, учениц старших классов руководимого ею интерната, и те действительно удачно вписались в наш коллектив и в течение двух, а некоторые и более, сезонов нашей работы в Торах старательно нам помогали. Одна из них стала впоследствии моей аспиранткой.

Я воспринимала Розу как человека, обладающего весьма высокими организаторскими талантами, аккуратного, ответственного за взятые на себя обязательства. Словом, ее отличали качества, которые, прямо скажем, встречаются в таком сочетании не так уж часто, тем более в монгольском мире (а Бурятия — это часть монгольского мира). Мне импонировало, что она заботилась о выпускниках своей сначала школы-интерната в Торах, потом лицея в Аршане и делала все возможное для того, чтобы ребята учились дальше, получали высшее образование, и следила за их дальнейшей судьбой. Она была заметным человеком не только в масштабах своего района, ее также хорошо

знали в Министерстве образования Республики Бурятия, где она неоднократно появлялась, пробивая для руководимых ею сначала интерната, а позднее лицея средства для внедрения тех новшеств в образовании, которые она считала необходимыми внедрять. Первой среди директоров районных школ Бурятии она добилась введения в Аршанском лицее университетского образовательного комплекса (далее — УОК), считая, что рамки школьного образования очень узкие и не дают возможности поступать по окончании школ в вузы. Она наладила контакты с Бурятским и Иркутским государственными университетами, профессора которых по очереди приезжали в Аршанский лицей и читали там двухнедельные спецкурсы по разным специальностям (история, филология, физика, химия, биология), которые слушали не только ученики, но и учителя. Следствием этой системы УОК стали практически стопроцентное поступление выпускников лицея в вузы, а также злоба и зависть со стороны других директоров школ и учителей района. На нее писали доносы, принципиально не желали перенимать ее опыт, пытались закрыть Аршанский лицей и слить его с обычной школой-десятилеткой. Ей удалось отстоять учебное заведение, но можно только догадываться, каких нервных усилий это потребовало.

Конечно, были у Розы чисто человеческие недостатки. Главный из них — авторитарный характер, который отмечали многие, кто с ней общался и особенно под ее руководством работал. Впрочем, меня это не удивляет. Мягкие и уступчивые директора — редкость, а в российской провинции с ее повсеместной безалаберностью, неаккуратностью, неумеренной склонностью к алкоголю тем более. Она сверх меры любила своего сына — этим недостатком страдает большая часть человечества, но она требовала от учителей, чтобы ниже четверки ему по своим предметам не ставили, но, как говорили мне эти учителя, его знания не тянули даже на тройку. С теми, кто сопротивлялся ее требованиям, возникали конфликты, переходившие в открытую вражду, что создавало нездоровую атмосферу в школе. За сыном она не уследила, не заметила, как его выпивки с друзьями превратились в хронический алкоголизм. Он умер через два года после смерти Розы, не дожив до 35 лет. Еще через год умер муж. Наследников не осталось.

Шагланова Надежда Алексеевна (1953 г. р.).

Сейчас она пенсионер, но в годы работы нашей экспедиции была медсестрой в Торской больнице. Потом больницу закрыли. Больных не так уж много, держать штат врачей и медсестер стало невыгодно. Серьезных больных сразу отправляют в районный центр Кырен, для остальных сохранили дневной стационар.

Для меня Надежда Алексеевна прежде всего мама Ольги Шаглановой, одной из трех школьниц, которые в самом начале нашей работы в Торах стали нашими помощницами. Ольга помогала мне и моей московской аспирантке Елене Строгановой. Работа с нами вызвала у нее интерес к истории культуры своего народа, она окончила историко-филологический факультет Бурятского университета, затем поступила в аспирантуру Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и написала интересную диссертацию о шаманизме бурят Тункинской долины, изданную впоследствии в виде книги [Шагланова 2007]. Учеба в аспирантуре проходила в Улан-Удэ, а я руководила ею из Москвы. Тогда еще ни у меня, ни у нее не было электронной почты, так что руководство осуществлялось по телефону и путем обычной переписки. Уже став кандидатом наук, она несколько раз выигрывала зарубежные гранты на исследования (Национальный этнографический музей Японии, г. Осака; кафедра изучения Монголии и Центральной Азии, Кембриджский университет, Великобритания), стала участником ряда интересных международных проектов, в которых участвовали Россия, Китай, Монголия, Япония, Великобритания. Она и сейчас в поиске чего-то нового для себя, и рамки научных коллективов Бурятии, где начиналась ее деятельность, ей сейчас кажутся узкими.

Однако в данный момент речь не столько о ней, сколько о маме. Именно Оля познакомила меня с нею, отцом и двумя своими младшими сестрами. Я люблю знакомиться с семьями своих аспирантов и докторантов. Большинство из них родом из Бурятии, Калмыкии, Тувы, Якутии, и мне интересно, в какой среде формировалась личность моего аспиранта/докторанта, почему его заинтересовала именно этнография в то время, как выпускники многих вузов даже не знали, что это за наука такая. Это были мамы, папы, братья, сестры, мужья, жены, иногда даже тети и дяди. Мне были интересны они, им была интересна я.

Надежда Алексеевна Шагланова оказалась очень интересной личностью, хотя сама вряд ли об этом подозревала. Все, что происходило в жизни с ней и ее семьей, она воспринимала с каким-то философским осмыслением, искала и находила, что немало важно, истоки тех или иных явлений и событий. Она родом из Баяндаевского района Иркутской области. Среди ее предков было несколько поколений шаманов. А у таких людей особый взгляд на жизнь. Сильным шаманом был ее дедушка, гораздо слабее был ее отец, а брат просто «брызгал» (что это такое, я написала выше), но не проходил посвящения, а поэтому особого эффекта его брызгание не имело. Сама она считала, что в ней никакого шаманского дара не имеется. Но порой она видела сны, в которых ее дедушка или отец приказывали ей сделать то-то и то-то. Как правило, они хотели, чтобы она приехала на свою родину в Иркутскую область и совершила над их могилами определенные обряды. Души умерших шаманов не прощают родственникам забвения их могил, она это прекрасно знала и выполняла все их требования, чтобы они не навредили своим потомкам. Ее муж Андрей, блестящий коневод, разводящий особую породу коней для будущих скачек, месяцами, с конца весны и до начала осени, пасущий табуны на высокогорных пастбищах в Саянах, только посмеивался над ее снами. Хотя в нем самом есть наследие шаманских предков, но уже по другой, тункинско-торской линии. А значит в их дочерях — Ольге, Елене, Жанне — вполне возможно эти линии сольются, и кто знает, чем для кого-нибудь из них это может закончиться. Пока все спокойно. На данный момент вся семья переселилась в Улан-Удэ, девочки получили высшее образование, все работают по специальности, имеют свои семьи, квартиры. Надежда Алексеевна нянчит внуков, а летом предпочитает приехать в Торы подышать местным воздухом.

Иногда я перечитываю свои экспедиционные дневники, вспоминаю общение с информантами, о которых здесь шла речь. Жалею, что многие из них рано ушли из жизни, а с ними и тот кусок моей жизни, частью которого они были. Информант — довольно казенное слово, но для меня эти люди были нечто большим. Они были личностями, общение с ними обогатило меня и в научном, и в общечеловеческом плане. Спасибо им за это!

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00450 «Личность в этносоциальном контексте: кросс-культурное исследование».

Источники

ПМА — Полевые материалы автора. Село Торы, Тункинский район, Республика Бурятия. 1992–1995; 2002–2009.

Литература

- Жуковская Н. Л.* На перекрестке трех религий (из истории духовной жизни бурятского села Торы) // Шаманизм и ранние религиозные представления: к 90-летию доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапова. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 76–87.
- Жуковская Н. Л.* Другая жизнь села Торы // Российская провинция. 1996. № 3 (16). С. 91–93.
- Жуковская Н. Л.* Тункинский национальный парк против ЮКОСа. История одного противостояния // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 71–78.
- Мещеряков А. Н.* Коллективный портрет сельского учителя в отдельно взятой точке постсоветского пространства: село Торы, Тункинский район, Бурятия, июль 1995 г. // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 166–169.
- Панарин С. А.* Тунка на перепутье: набросок к современной социоестественной истории Прибайкалья. // Материалы второй научной конференции «Человек и природа — проблемы социоестественной истории» (Феодосия, 21–25 сентября 1993 г.). М.: Московский лицей, 1994. С. 92–105.
- Панарин С. А.* Хозяйство традиционного скотоводческого района в период кризиса: опыт бурятского села Торы // Материалы международной конференции «Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития» (Алматы, 12–13 января 1999 г.). М.: Российский центр международных и стратегических исследований, 1999. С. 198–219.
- Панарин С. А.* Бурятия 1990-х: миграционный опыт одного села: по материалам полевого исследования // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 161–187.
- Строганова Е. А.* Национально-культурное возрождение в Бурятии: взгляд изнутри села // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 86–99.

- Строганова Е. А. Бурятское национально-культурное возрождение: конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия / Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ. М.; Иркутск: Наталис, 2001. Вып. 1. 150 с.
- Шагланова О. А. Традиционные верования тункинских бурят: вторая половина XIX–XX в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. 179 с.
- Sources**
- ПМА — *Polevye materialy avtora. Selo Tory, Tunkinskij rajon, Respublika Burjatija. 1992–1995; 2002–2009* [Field materials of the author. The Torah village, Tunkinsky district, Republic of Buryatia. 1992–1995; 2002–2009].
- References**
- Meshherjakov A. N. *Kollektivnyj portret sel'skogo uchitelja v otdel'no vzjatoj tochke postsovet'skogo prostranstva: selo Tory, Tunkinskij rajon, Burjatija, ijul' 1995 g.* [A Collective Self-portrait of a Rural Teacher in a Specific Post-Soviet Space in the Village of Tory, the Tunkinsky district, Buryatia, July 1995]. *Vestnik Evrazii* (Bulletin of Eurasia), 1996, no. 1 (2), pp. 166–169 (In Russ.).
- Panarin S. A. *Tunka na pereput'e: nabrosok k sovremennoj socioestestvennoj istorii Pribajkal'ja* [Tunka at the crossroads: an outline of modern socio natural history of Cisbaikalia]. *Materialy vtoroj nauchnoj konferencii «Chelovek i priroda — problemy socioestestvennoj istorii» (Feodosija, 21–25 sentjabrja 1993 g.)* [Proceedings of the 2nd Scientific Conference “Man and nature — the problem socio natural history” (Feodosia, 21–25 September 1993)]. Moscow, Moskovskij licej Publ., 1994, pp. 92–105 (In Russ.).
- Panarin S. A. *Hozjajstvo tradicionnogo skotovodcheskogo rajona v period krizisa: opyt burjatskogo sela Tory* [Farming of the traditional pastoral district during the period of crisis: the experience of the Buryat village Tory]. *Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Sovremennoe sostojanie skotovodstva i zhivotnovodstva v Kazahstane i perspektivy ih razvitija» (Almaty, 12–13 janvarja 1999 g.)* [Proceed. of the International Conference “Modern state of cattle breeding and stockbreeding in Kazakhstan and the prospects of their development” (Almaty, January 12–13, 1999)]. Moscow, Rossijskij centr mezhdunarodnyh i strategicheskikh issledovanij Publ., 1999, pp. 198–219 (In Russ.).
- Panarin S. A. *Burjatija 1990-h: migracionnyj opyt odnogo sela: po materialam polevogo issledovanija* [Buryatia of 1990's: migration experience of a village according to the field study data]. *Demograficheskoe prostranstvo Azii: istorija, sovremennost', gipotezy budushhego: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Demographic Situation in Asia: History, Present, and Hypothesis of Future]. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN Publ., 2012, Issue 2, pp. 161–187 (In Russ.).
- Stroganova E. A. *Nacional'no-kul'turnoe vozrozhdenie v Burjatii: vzgljad iznutri sela* [National-cultural revival in Buryatia: a view from inside the village]. *Jetnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic review), 1997, no. 1, pp. 86–99 (In Russ.).
- Stroganova E. A. *Burjatskoe nacional'no-kul'turnoe vozrozhdenie: konec 80-h – seredina 90-h godov HH veka, Respublika Burjatija* [Buryat national-cultural revival: late 80's-mid 90-ies of the 20th century, the Republic of Buryatia]. *Jetnopoliticheskaja situacija v Bajkal'skom regione: monitoring i analiz* [Ethnopolitical situation in the Baikal region: monitoring and analysis]. Moscow; Irkutsk, Natalis Publ., 2001, Issue 1, 150 p. (In Russ.).
- Shaglanova O. A. *Tradicionnye verovanja tunkinskih burjat: vtoraja polovina XIX–XX v.* [Traditional beliefs of Tunkinsky Buryats: the second half of the 19–20 c.]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2007, 179 p. (In Russ.).
- Zhukovskaja N. L. *Na perekrestke treh religij (iz istorii duhovnoj zhizni burjatskogo sela Tory)* [At the crossroads of three religions (from the history of spiritual life of Tory, the Buryat village)]. *Shamanizm i rannije religioznye predstavlenija: k 90-letiju doktora istoricheskikh nauk, professora L. P. Potapova* [Shamanism and early religious ideas: the 90th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor L. P. Potapov]. Moscow, IEA RAN Publ., 1995, pp. 76–87 (In Russ.).
- Zhukovskaja N. L. *Drugaja zhizn' sela Tory* [The other life of Tory village]. *Rossijskaja provincija* [Russian province], 1996, no. 3 (16), pp. 91–93 (In Russ.).
- Zhukovskaja N. L. *Tunkinskij nacional'nyj park protiv JuKOSa. Istorija odnogo protivostojanija* [Tunka national Park against Yukos. The story of a confrontation]. *Jetnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic review), 2008, no. 3, pp. 71–78 (In Russ.).

УДК 2(571.4)

ЛЮДИ ТОРСКОЙ СТЕПИНаталья Львовна Жуковская¹

¹ доктор исторических наук, профессор, заведующий центром азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва, Российская Федерация). E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена людям, которые в начале 90-х гг. XX в. помогли не только своими знаниями как информанты, но и своим человеческим отношением к сотрудникам научной экспедиции, приехавшей из Москвы изучать село Торы (Республика Бурятия, Тункинский район) в рамках междисциплинарного и международного исследования под названием «Портрет восточного села». Четыре выбранных человека из большого числа тех, кто помогал экспедиции, относятся к разным стратам сельского общества — гадалка, шаман, директор школы-интерната, медсестра. Каждый из них заинтересовал в свое время автора статьи прежде всего как личность с особым внутренним миром, помогавшим понять процессы, происходившие в бурятском селе в постперестроечное время. Трех из них уже нет в живых. Эта статья посвящена их памяти, тем более что официальных некрологов никто из них не удостоился.

Ключевые слова: село Торы, Республика Бурятия, гадалка, шаман, директор школы-интерната, медсестра, научная экспедиция.